

Друзья детства

В.Б.Рекст

Первое знакомство

Как-то раз осенью, когда я был, наверное, в 3-м классе и сидел дома за интересной книгой, прибежал сосед, Аля Решетников из 1-го класса. «Сегодня нашему дому объявила войну Переяславка (улица). Сейчас придут воевать. Я привел ребят из своего класса на помощь — нас мало. Иди и ты помогать».

У нас все время между ребятами этого возраста шли непрерывно войны с соблюдением целого ряда рыцарских правил, и поэтому без серьезных ушибов и повреждений. Я в них участвовал мало.

Только вышел во двор — на меня налетела куча ребят, образовалась свалка — потом оказалось, что это ошибка.

Так я познакомился с двумя нападавшими на меня ребятами, приведенными Алей. Мы разговорились, понравились друг другу, и я их привел к себе домой.

Увидев их, мама сказала: «Это же Кира Флоренский, разве ты не помнишь? Мы были у них (или они у нас), и ты с ним играл». Я не помнил, он тоже. Потом назвал себя Никита. Услышав фамилию Фаворского, вмешалась бабушка (Александра Николаевна Бостанжогло-Гольнбек): «Неужели сын Владимира Андреевича? Я ведь твоего папу хорошо, очень хорошо знала, его и его семью. Передавай от меня привет».

Когда они ушли, мама сказала: «Очень хорошие мальчики, да и семьи их хорошие». Я был польщен.

Так состоялось наше знакомство, продолжавшееся всю жизнь.

Как-то раз, вскоре после знакомства, ранней весной, в прекрасный солнечный день мы втроем пошли гулять. Сошли с дороги и решили подойти к лесу. Пока дошли до леса по глубокому снегу с лужами, промочили ноги выше колен.

На опушке обнаружили сухую вытаявшую полянку. Наломали с трудом лапнику, чтобы посидеть. У кого-то случайно (?) оказались спички. Развели маленький костер, сушились, больше, наверное, на солнце. Кто-то вспомнил Ральфа в лесах знаменитого Сетон-Томпсона, стали строить всяческие планы походов в лес. Мы чувствовали себя Колумбами, открывшими новый мир.

Уходить не хотелось, и только к вечеру, шатаясь от голода, мы отправились домой. А дома была паника. Мама Киры и моя мама вели следствие, где в последний раз видели этих трех ребят. Мы не успели дойти до дома, как нас обнаружили и торжественно развели беглецов по домам. Этот день, возможно, для всех нас (и, во всяком случае, для меня) послужил началом нашей страсти к лесу, особенно, когда он труднодоступен — в распутицу, в местах, нетронутых человеком.

Эта сторона у меня с Кирой всегда преобладала над чисто охотничьей страстью, а Никита практически совсем не охотился, бывая с нами в многочисленных походах.

Надо сказать, что скоро мы втроем (иногда вчетвером с братом) получили разрешение пропадать в лесу даже с ночевками. У меня это связали с условием заранее предупреждать, куда и на сколько времени я иду. У Киры и Никиты, наверное, с тем же.

Как-то раз в школьные годы (наверное, в 1925-26 годах) мы затеяли построить под Загорском на крутом склоне глубокого и глухого оврага избушку-землянку. Много дней мы провели за стройкой, стараясь не протоптать тропинок к землянке, чтобы ее не обнаружили. Нарезали ольховых шестов на перекрытие (березки и елки мы жалели), Никита выстругал 3 ложки, двухрожковые вилки и хотел сделать еще и миски.

Вообще, он в детстве с непостижимой быстротой и ловкостью обрабатывал дерево, для чего у него на поясе был чехольчик со специальным маленьким ножичком (вроде сапожного), острым, как бритва. Когда уже дело подходило к концу, придя в избушку, мы обнаружили в ней следы плохо

сгоревшего костра, обрывки бумаги и другой сор, сломанную ложку Никиты. Избушка было осквернена. Больше мы туда не заглядывали.

Но походы в лес на целый день, а иногда с ночевкой, продолжались. Иногда с нами ходил мой брат Андрей, позднее — Миша (мы звали Мишель) Грушевский. Я считал его дальним родственником Никиты. Примерно в это же время на всех биваках Никита стал оставлять свои поделки. Взяв какой-нибудь изогнутый корень, рогульку или вообще кусочек дерева, Никита быстро превращал его в лешего, змея, коня или что-либо подобное.

Сейчас это стало модно. Некоторые талантливые люди специально ходят в лес для поисков подходящих объектов, создавая целые коллекции. Тогда этого не было. Лично для меня казалось чудом, когда он вытаскивал из груды сучьев, приготовленных для костра, палку, и через 3-5 минут она превращалась в настоящее произведение искусства.

Раз он положил на место бивака чудесную фигурку девушки, как будто она прыгает в воду. Я захотел взять ее домой, но он, как всегда мягко, пояснил: «Это лесовику. Мы все ходим в лес для себя (я пересказываю мысль, слов не помню), что-то взять — грибы, отдых, хотим получить, а не отдать. Я этим что-то даю. Если ты найдешь ее потом, то возьми».

Охота 1-10 августа 1932 года

В июле я болел чем-то вроде паратифа с небольшой температурой. Только начал поправляться, и меня в институте силком отправили с 1 августа в отпуск. Тяжело болела мама неизвестно чем, и утром 1 августа я лежал в постели с невеселыми думами.

Часов в 9 утра вдруг, без предупреждения, ввалились ко мне Кира Флоренский и Никита в полном боевом снаряжении, Кира с ружьем, а Никита с небольшим мольбертом, прикрепленным к рюкзаку. «Идем с нами на охоту дней на 10!» — «Ребята, я болен, видите, в постели, да и еды у меня нет!» — «в лесу сразу поправишься, а еды и у нас почти нет. Будем питаться дичью, грибами, копать картошку, проживем!»

Через час отправились пешком по Угличскому шоссе. Около д. Маньково я совсем ослаб и лег на землю. Кира с Никитой удрученно сидели рядом. Мимо проезжала телега. Возчик, увидев нас, попросил кружку. На возу было много ящичков с бутылками водки, заткнутыми картонными пробками. Он налил себе из 4-5 бутылок кружку и выпил, потом предложил нам. Я с Кирой отказались, Никита попросил чуть-чуть налить. Когда возчик уехал, Никита сказал, что взял для меня, как лекарство, и стал заставлять пить. Я ненавидел вкус водки, с трудом сделал 4-5 маленьких глотков, остальное расплескал, улегся, меня заботливо укрыли, и я заснул. Когда проснулся, был готов походный суп, мы поели, и моя болезнь куда-то исчезла. Пошли дальше, через 2-3 км увидели в кювете накренившуюся набок телегу. Лошадь щипала траву, а поперек телеги лежал мертвецки пьяный возчик, которого мы так и не добудились. В этом походе, как никогда в жизни, каждый день случались разные смешные происшествия. Много лет потом, собираясь вместе, мы вспоминали эти дни. В походах Никита спал мертво, как говорят, сном младенца. Ночью на плечо Никиты попал уголек, затлелось шерстяное домотканое пальто, которое он называл «бостон-дерюга», под ним рубашка. К счастью, заметил Кира и быстро вылил на него котелок с холодным чаем. Никита отделался покрасневшим плечом, которое виднелось через его прогоревшую одежду. Мы над этим подтрунивали — как он будет красоваться при людях!

Стояла засуха. Мы находились в глухом лесу, чередующемся с моховыми болотами. Решили выйти из глуши к речке и переночевать в легендарном «городище». По рассказам местных стариков, там был когда-то укрепленный городок, который сожгли не то поляки в 1600-е годы, не то французы. Говорили, что там нечисто, якобы там пропадали когда-то люди, видели покойников. Местное население ходить туда избегало.

Через некоторое время нашли его. Городище представляло собой небольшую площадь, окруженную высоким валом в виде подковы. С одной стороны его огибала небольшая, но довольно глубокая река, с другой — топкое болото, ближе к валу переходящее в более глубокую полосу, где, видимо, был

крепостной ров. Вал зарос огромными соснами, лет по 200. С трудом переправились через болото и оказались в девственном месте исключительной красоты. Стволы сосен, уходящие ввысь, под ними все красно от ягод ландышей. Масса сушняка для костра. Стали готовиться к ночевке, заготавливать дрова, а Никита, любитель чистой воды, решил достать проточную. Снял брюки, левой рукой завернул рубашку на животе, чтобы не замочить ее, в правую взял трехлитровую, всю помятую и закопченную консервную банку, служившую нам котелком, и полез в камышах на чистую воду реки. Уже начинало смеркаться. Никита тогда стригся «под горшок», гребенку забыл и большей частью причесывался пятерней. Прогорелая рубашка с вылезавшим голым плечом и копченый котелок делали его вид весьма колоритным. Оказалось, что на другой, менее глухой стороне реки были три местных охотника — деревня была километрах в 3-х. Они, видимо, давно прислушивались, что за шум в этом нечистом месте, и вдруг увидели вылезавшего из тростника Никиту. Некоторое время все застыли, разглядывая друг друга. Потом охотники стали кричать — откуда вы взялись, что за люди? Никита совершенно спокойно и как-то растянуто произнес: «Мы-то? Мы-то тутошние». Опять вопли — «какие тутошние, мы всех местных знаем». Никита в ответ: «Мы здешние, городищенские», — зачерпнул воды и скрылся в тростнике. Его спокойные, чуть растянутые слова со специфическим старорусским оттенком были бесподобны. Минуты 2-4 было полное молчание, за которые Никита успел подойти к биваку за валом, а потом раздались крики, ругань и стрельба в нашу сторону. Дробь так и стучала у нас над головами. В ответ Никита залаял щенком — делал он это бесподобно, — Кира заухал филином. Уходящие охотники, наверное, со страха, до самой деревни шумели, кричали и стреляли в воздух. А мы долго у костра восторгались ответом Никиты и фантазировали, какие теперь добавятся легенды об этом месте.

Шли годы, пролетела моя служба в армии на Дальнем Востоке. Мы по-прежнему дружили втроем, часто ходили в лес, как с ночевками, так чаще просто погулять. Как-то Кира или Никита на мой вопрос, куда пойдём, сказал:

«В пространство». Эта фраза стала у нас крылатой. Часто говорилась, когда мы собирались погулять без плана, просто куда глаза глядят. В нашей компании стали часто присутствовать девушки. Как-то повелось, что все собирались в нашей квартире. Компания стала более многолюдной. Я стал редко бывать у Флоренских, а у Фаворских, наверное, с 1934 года уже не был ни разу. Мы все чаще стали собираться по вечерам играть в различные игры, напевать под гитару, чаще всего русские песни. Иногда увлекались тем, что про каждого из присутствующих складывали и пели злободневные куплеты. Помню часть куплета про Никиту и Киру. Расскажу предысторию. Как-то Никита подморозил нос, и ему дали с собой баночку из-под вазелина с гусиным салом — смазывать на морозе нос. Дальше понятно из куплета:

Кира с Никой в лес ходили

И покушать захватили

Хлебушка буханочку

Вазелина баночку.

Ника мажет, Кира ест...

Как друзьям не надоест.

На наших вечерах и совместных походах не было вина (исключая, может быть, дни рождения). Милочка Дервиз, наверное, помнит, как я вылил водку в костер, когда Юра Смирнов в лесу на реке Веле, куда ходили с ночевкой, вытащил бутылку и стал угощать девушек.

Дни 1 и 2 мая 1940 года Никита, уже подросток его брат Ваня и я провели в лесу втроем, так как Кира с Зиной и Адрианом уехали на р. Керженец (где перевернулись на лодке, и Кира утопил ружье), а Мила оставалась дома с маленькой Леночкой. Вечером 1 мая я стрелял по вальдшнепу, он вроде упал вдалеке, но я его не нашел. Утром после тока я предложил потихоньку идти к дому (ночевали около д. Рогачева, за 12 км от дома). Но Никита с Ваней возмутились — надо все осмотреть — нельзя оставить вальдшнепа. Стали искать. Я уже отчаялся и сел отдохнуть. Но они продолжали поиски и все-таки отыскали убитую птицу. Мы должны были вернуться утром 2-го мая и поэтому

ночью съели все запасы. Но 2-го мая установился просто чудесный день — тепло, таяли остатки снега, весь лес звенел от голосов птиц. Никита с Ваней предложили остаться в лесу до вечера. «Давайте пить березовый сок — в нем есть сахар, протерпим до вечера, постоим на тяге и тогда вернемся». У меня были убитые мною вечером вальдшнеп и утром тетерев, но все знали, их надо принести Леночке — дома голодно. Тогда решили сварить похлебку из потрохов, голов, крыльев и ног. Было очень вкусно, и день прошел чудесно.

Началась Отечественная война

Летом 1941 года приехал Никита и сразу позвал — «Идем в пространство», — отправились вдвоем. Там он сказал, что записался в ополчение, на днях уедет на фронт и приехал проститься — больше не увидимся. Я начал говорить, что нельзя думать так пессимистично, далеко не все погибают. Нет, я, наверное, не вернусь, но надо идти, сейчас такое время, сейчас это надо.

Это было наше последнее свидание.

А Кирилл прошел всю войну от Сталинграда до Берлина артиллерийским разведчиком и вернулся домой в 1946г. Наши совместные поездки на охоту продолжались еще много лет.